

ГЛАВА 1

Весна 898 года

Песок под ногами проваливался, сползал по склону, и Ольга все топталась на месте, увлекаемая назад тяжелым заплечным мешком с камнями. Новый рывок, еще один шаг, сбивающееся дыхание... Песок опять поддался, такой тяжелый и сыпучий, сбегаящий вниз, словно вода по крутому склону.

А вверху песчаного откоса, там, где стояли уже взобравшиеся на кручу дружинники, слышались шутки, смех, даже обидный свист. Они уже одолели подъем, их не затянула эта сыпучка, не опрокинули тяжелые мешки за спиной. Ольга же все месила песок на одном месте, веселя наблюдавших сверху дружинных побратимов. Тоже мне, побратимы... Хотя, не будь она так утомлена после бессонной ночи, после страстных ласк молодого князя, не чувствуя она обычной бабьей слабости в пору неспрадности¹, может, и она смеялась бы над кем-то, избежав на кручу раньше других.

Молодой князь Игорь — красивый, статный, с разметавшимися по плечам темными волосами, с упавшей на синие глаза седой прядью — тоже хохотал. Даже выкрикнул:

— Что ж ты за воин, девка, если склон пустячный одолеть не можешь!

Допустим, не такой и пустячный. Кручи военной крепости Самват высоко поднимают срубы построек над Оболонью. Но раньше Ольга справлялась с этим немудреным восхождением, избегала не хуже других.

Песок все осыпался, дыхание срывалось... А тут еще силы иссякли, заплечный мешок стал вообще неподъемным. Она так

¹ Непраздность — беременность.

и опрокинулась, съехав вниз на спине. Вверху раздался новый взрыв смеха. Ольге было обидно до слез. На хохочущего Игоря и глядеть не хотелось. Ведь целовал же, миловал, сплетался с ней в жарких объятиях до самой зорьки. Другая после столь бурной ночи и встать бы не смогла. Она же присоединилась к дружинникам и на утренней разминке-потехе носилась со всеми, прыгая через жердины, ныряла с кручи в холодную при нынешней запоздалой весне днепровскую воду, плыла сильными гребками. Когда же Игорь велел взвалить на плечи камни и бежать по склону... А ведь она сказала ему этой ночью, что понесла от него... Игорь будто и внимания не обратил. Держался невозмутимо, как всегда, погнал ее на обычные воинские упражнения — не хотел, чтобы остальные знали, что у него страсть Удова¹ с поляницей² из дружины...

Отряхиваясь от песка, Ольга попыталась подняться. Но тело не слушалось, мешок снова опрокидывал ее на песок. Барахталась, как... Как дура какая-то слабая. Как жук-рогач, который упал на спину и сучит жалко лапками...

Она заметила, как один из побратимов, стрелок Стемка, соскочив с кручи, хотел подойти помочь.

— Стоять! — крикнул Игорь. Зло так крикнул, гневно. — Ольга желала нам всем показать, что ей нипочем стать поляницей киевской. Вот пусть и покажет.

У Ольги слезы навернулись на глаза. Ну, погоди же! Справлюсь, смогу! Она перевернулась на бок, крепко ухватилась за врезавшиеся в плечи ремни мешка и сумела-таки подняться. Тяжело поднялась, едва не со стоном. И мелькнула вдруг страшная догадка: не нарочно ли Игорь ее гоняет, чтобы скинула нагулыша от него девка настырная.

— Стема, стоять! — вновь прикрикнул Игорь сверху, когда паренек все же сделал несколько шагов к ней вниз по склону.

Увязая босыми ногами в песке, Ольга дышала тяжело, двигалась рывками. В какой-то момент различила, что смех наверху вроде притих. И раздался голос — спокойный, властный, твердый:

— Делай, что собирался, Стемид. Помоги девице.

Даже не взглянув, Ольга узнала в говорившем Олега, князя старшего. Ему Игорь не указ, оттого тот и смолчал. Правда,

¹ Уд — у древних славян бог сладострастия и плотских желаний.

² Поляница — женщина-воин, богатырша.

оглянулся резко на Олега, поглядел потемневшими от гнева глазами.

Стема наконец поймал Ольгу за локоть, помог одолеть остаток песчаной кручи. Наверху она скинула тяжелый мешок и несколько мгновений не могла выпрямиться, стояла наклонившись и упершись руками в обтянутые кожей штанов колени, дышала жарко. Вокруг было тихо.

— Это мой отряд, — негромко, но с нажимом сказал князю Олегу Игорь. — Ольга сама решила войти в дружину, и послаблений ей не будет. Даром что краса. А баловать ее начнешь... Забирай, откуда привез!

Ольга все же взглянула на старшего князя. Олег сидел верхом, лиловый бархатный плащ сколот на плече красивой пряжкой, на длинных светлых волосах обшитая соболем шапочка на византийский манер. Лицо спокойное, полное достоинства. Зеленоватые прищуренные глаза глядят с какой-то легкой печалью. На нее глядят, на Ольгу. На Игоря князь и не посмотрел, когда, перегнувшись в седле, протянул девушке руку.

— Со мной поедешь.

Она послушно вложила руку в сухую, горячую и сильную ладонь князя. Поставила босую ногу на его узорчатый сапожок в стремя, ощутила рывок и сама подалась вверх. Мгновение — и она уже сидела на крупе коня за спиной Олега.

— Вот-вот, забирай ее! — крикнул им вслед Игорь. — Навязал мне девку псковскую, а я возись. Много о себе возомнила... Прекраса, мать ее...

Олег неожиданно повернул коня. Ольга спряталась за его обтянутым лиловым бархатом плечом. Больше всего она опасалась, что все вокруг... что Игорь заметит, как глаза ее наполнились слезами.

— Игорь, приедешь вечером ко мне в детинец¹, — не повышая тона, молвил Олег.

Он вообще редко когда повышал голос. Ему это было без надобности — могущественного князя русов Олега Вещего и так слушались с полуслова, с полувзгляда. И только Игорь, Рюриков сын, мог иногда быть дерзким с мудрым старшим соправителем. По сути — правителем. Ибо Олег так и не отдал власть в Киеве сыну Рюрика.

¹ Детинец — крепость внутри городских укреплений, кремль.

Ольга ехала за князем, понуриив голову. Как ни сдерживалась, слезы все-таки полились из глаз. Даже всхлипнула горько. Олег сразу это заметил.

— Не реви. Будущей княгине срам на людях слезы лить.

— Какой княгине? — вновь всхлипнула Ольга. — Он меня как... Ох, пора, видимо, мне возвращаться на Псковщину.

— И не думай о том!

Олег пришпорил коня. За ним поскакали трое его верных кметей¹ — свита.

Ольга постаралась взять себя в руки. Ей хотелось верить Олегу. Вещему Олегу, который все знал обо всех, мог и будущее предугадывать. Вот сказал же — княгиней будет. Ольга отвела от лица выбившиеся из косы пряди волос, гордо вскинула голову. Хотя какая тут гордость — сидит за князем растрепанная, босая, как чернавка какая-то, рубаха пузырем полощется на прохладном весеннем ветру. Штаны кожаные лопнули на колене. Княгиня... Хм.

Но каковы бы ни были ее обиды, все же она ехала на одной лошади с могущественным князем. Они уже миновали низинные земли Оболони, проехали и гору Шекавицу с башенками теремов наверху, оказались в шумной толчее Подола.

Люди расступались перед княжеским конем, сняв шапки, кланялись.

— Сам Вещий, гляди-ка!

— Многие лета тебе, князь пресветлый.

— Меду стоялого не желаешь ли изведать, Олег Киевский?

Князя в Киеве признали, полюбили. Кто теперь вспомнит, что прибыл он в стольный град на Днепре захватчиком неожиданным, что погубил прежних князей — варягов Аскольда и Дира... Людям не то важно, что один варяг скинул других, а то, что не предал город разорению и пожару. Более того — сказал: быть Киеву матерью городов русских! И ведь не обманул. Разросся при нем Киев-град, разбогател, возвысился. Все племена окрестные ему теперь дань платят: и древляне лесные дикие, и богатые хлебом северяне, и радимичи осторожные. А когда поляне дань хазарам-степнякам платили — в Киеве о том уже и не вспоминают.

¹ Кмети — опытные, умелые воины в дружине князя.

У подъема на Гору Старокиевскую, где высится кремль-детинец и терема самых нарочитых¹ людей стоят, начинался пологий широкий подъем — Боричев узвоз. Здесь Олег придержал коня, пропуская вперед медлительных круторогих волов, тащивших возы с гладко оструганными досками и длинными бревнами, — видеть, строится кто-то на высокой горе, украшает свое жилище. Олег довольно улыбнулся в бороду, однако тут его внимание привлекли неожиданно возникшие сбоку два всадника на лохматых горячих лошадаках, — оба чернявые, с завитыми усами. Их округлые шлемы были низко надвинуты на лоб, у коней с удил свисали пышные лисьи хвосты.

Всадники очень торопились, стремясь обогнать возы. Один из них даже ударил возничего нагайкой, крикнув:

— Ходи прочь — я еду!

Олег повел глазом на своих кметей, и те выехали вперед, держа длинные копыя поперек седла. Внушительного вида рослые русы в добротных кольчугах и высоких шишаках сразу потеснили пытавшихся устроить беспорядок пришлых. Послышалась ругань, кто-то схватился за кривую саблю, залопотал что-то на своем языке.

Олег быстро выехал вперед:

— Пошто вы, угры буйные, забываете уговор?

— Какой такой уговор? — огрызнулся один из них. — Не знаем никакого уговора.

— Не знать не худо. Худо знать, а дурнями прикидываться.

Угры разразились громкой бранью, один из них даже поднял на дыбы коня.

— Я покажу тебе, пес русский, как меня...

Он не успел договорить — один из кметей князя ловко ударил его по лицу древком копыя, так что наглец кубарем слетел с седла, упав на дорогу. Вокруг засмеялись киевляне. Однако в воздухе все же чувствовалось напряжение. Кто-то крикнул:

— Бей их, витязь! Покажи диким уграм, что значит нашего князя так называть!

Олег поднял руку, призывая к вниманию.

— Бить их не станем, однако пусть уходят прочь. А вам, — обратился он к встававшему с земли угру и к его товарищу, кото-

¹ Нарочитые — богатые, знатные.